

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
2 (64-65)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 6

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ И. Ю. КРАЧКОВСКОМ

В то время я жила в Назарете и преподавала в женской школе Палестинского общества. 16 апреля 1910 г. в арабском журнале „ан-Нафаис ел-Асрийат“ было напечатано стихотворение в прозе под заголовком „О если бы я имел крылья, я бы на них полетел“. Подпись была необычная — „русский скиталец“. Такие стихи мне до этого приходилось читать лишь у молодого, начинающего тогда, арабского писателя ар-Рейхани. Глубокое знание арабского языка, как и использование этого нового жанра, заставили меня задуматься об авторе. Кто же мог быть этот русский, владеющий арабским языком в совершенстве? Среди знакомых нам европейцев-арабистов мне не был известен никто, кто бы знал так превосходно арабский язык? Мое недоумение продолжалось недолго.

В один из апрельских вечеров, когда тонкий аромат цветов деревьев душистого перца, роз и жасмина наполняют воздух, ударил церковный колокол, вспугнувший тишину и негу, разлитые вокруг. Колокол извещал о приходе русских паломников из Иерусалима. Я сидела на балконе в „русском доме“, где помещалась школа, в которой я преподавала. Во двор дома вошли русские паломники, среди которых были два интеллигента. Несколько позже я пошла в столовую, где, знакомясь с ними, я услышала на чистейшем арабском языке слова „русский скиталец“. Я подняла глаза, передо мной стоял молодой человек с приветливым умным лицом, окаймленным бородой. Борода придавала ему особенно солидный вид. Самым замечательным в его лице были глаза. Они излучали какой-то особый свет, который озарял все лицо. „Скиталец“ сразу заговорил по-арабски, устраняя этим неловкость, обычную в первые минуты знакомства. Он прекрасно говорил на сирийском диалекте. Этот „скиталец“ и был И. Ю. Крачковский.

Насколько Игнатий Юлианович овладел народным арабским языком, явствует из следующего случая. Я попросила у своего отца разрешения придти с этими двумя русскими к нему в гости. Отец, недолюбливавший европейцев вообще, делал иногда исключение для русских. После занятий в школе я отправилась с ними и с подружкой к отцу. И. Ю. разговаривал с ним по-арабски, нам же было интересно поговес-

рять по-русски. Отца я побаивалась, несмотря на то что я жила не дома и самостоятельно. Случайно, посмотрев на него во время его разговора с И. Ю., я заметила, что лицо его мрачнеет и он бросает в мою сторону недовольные взгляды. Я присмирела, подумав, что он недоволен тем, что я разговариваю с русским мужчиной, да еще на непонятном ему языке. Но каково было мое удивление, когда после ухода гостей отец заявил мне, что я лгуныя и что под видом русского я ввела в дом араба. Сначала я смеялась, потом божилась, но ничто не помогало. Чтобы убедить отца, я пригласила И. Ю. вторично. Мы пришли вечером и поднялись на крышу дома. Отец сварил кофе и угощал гостей. Здесь он всецело завладел И. Ю. После его ухода отец все удивлялся и восхищался знанием И. Ю. народного сирийского диалекта. Однако И. Ю. владел не одним этим диалектом. Он знал многие арабские диалекты, и когда в Ленинградском восточном институте в 1932 г. была организована группа студентов-арабистов для изучения Северной Африки, только И. Ю. мог заняться с ними магрибским диалектом.

Оставался И. Ю. тогда в Назарете около недели. В обращении с нами, арабками, он был прост и внимателен. Мы чувствовали, что он не искал в нас экзотики, а выслушивал наши, подчас очень наивные рассуждения, подбадривал нас, успокаивал наши мятущиеся души. Ведь нас тогда было всего несколько девушек в Палестине, которые, получив образование в русской учительской семинарии Палестинского общества, восприняли передовую русскую культуру, сбросили чадру и стойко отстаивали свою свободу. За это мы были изгнаны из родительского дома и нашли приют в „русском доме“.

И. Ю. посетил наши занятия в школе. Он дал немало ценных указаний, поддержал наше начинание — создание переводов произведений русской художественной литературы на арабский язык. Незаметно, за время его пребывания в Назарете, между нами установились дружественные отношения. Мне с подругой было жалко расставаться с нашими новыми знакомыми, и мы поехали провожать их в Тивериаду, откуда они отправлялись в Хайфу, где должны были сесть на пароход, отправлявшийся в Россию. В Тивериаде мы переправились на лодке на противоположный берег озера осматривать развалины Копернаума. Было жарко, как всегда в этой местности Палестины, лежащей на 1200 футов ниже уровня моря. Берег озера местами был окаймлен банановыми рощами, кустами шиповника и рощами белых и красных олеандров. Отражение этих цветущих деревьев на гладкой синей поверхности озера создавало особый фантастический пейзаж. Недалеко от этого места край озера был совсем черным — это сомы выплыли подышать. Возвращались мы из Копернаума молча, каждый погруженный в свои думы. Наша лодка направлялась к банановой роще, принадлежавшей русской духовной миссии, где нас ждало библейское кушанье: печеная на костре рыба.

Откуда-то поднялась стая птиц. И. Ю. поднял глаза на стаю, потом перевел их на нас и сказал: „Куда вожак, туда и стая, не бойтесь, продолжайте свою борьбу!“ А сколько теплоты и сочувствия было в его спокойном голосе! Эти слова всегда звучали в моих ушах в тяжелые минуты жизни и борьбы на родине.

Так началось мое знакомство с И. Ю., замечательным арабистом, мировым ученым, у которого тогда подрастали крылья, вознесшие его так высоко в научную высь. Он преодолевал бури и грозы, встречаемые обычно на пути научных исследований и открытий. Тогда я не знала, что судьба забросит меня на далекий север, в Петербург, и что наше случайное знакомство превратится в дружбу, которая продлится до самой его смерти.

Из Иерусалима в Назарет И. Ю. прибыл с паломниками, которые обычно проходили это расстояние пешком за четыре дня. И. Ю., желая поближе познакомиться с населением, избрал тот же путь. Он любил арабский народ за его прошлую литературу и культуру. Изучая жизнь народа во время своего двухлетнего пребывания на Востоке, он убедился, что у арабов зарождается новая литература, достойная внимания. И. Ю. был первым ученым, который занялся систематически современной арабской литературой и установил в этой области приоритет. В 1908—1910 г. И. Ю. сотрудничал в периодических изданиях Сирии, Палестины, Ирака, в журналах „ал-Машрик“, „Луггат ел-Араб“ и „ан-Нафаис ел-Асрийят“, редакторами которых были такие ученые, как Шейхо и Анастас ел-Кармелий. И. Ю. писал свои статьи и заметки сам на арабском языке, что было редким явлением среди арабистов не арабов.

В 1914 г. я приехала в Россию со своим мужем на два месяца. Мой приезд в Россию совпал с началом первой империалистической войны, и я на всю жизнь осталась в России. После отъезда И. Ю. из Палестины у нас завязалась переписка. Приехав в Россию, в Кронштадт, я вскоре встретила в Петербурге с Игнатием Юлиановичем и его супругой Верой Александровной. Эта семья, принимавшая меня всегда так радушно, заменила мне родных и друзей. И. Ю. находился еще под впечатлением своего пребывания на Востоке, живо интересовался жизнью арабского Востока, новинками литературы. Во время беседы и воспоминаний о его путешествии лицо его сияло, глаза излучали удивительный свет, свойственный лишь ему. Тогда мне стал ясен смысл последней строки его стихотворения, написанного в мой альбом еще в Назарете: „Как нежную, детскую сказку люблю я Ливан“. Глядя на И. Ю., я поняла, что он действительно полюбил арабский народ и его культуру, а также литературу Ливана, Сирии, где зарождалась новоарабская литература. Когда в ненастные дни на севере меня охватывала тоска по родине, по яркому горячему солнцу Палестины, я приезжала в эту семью и находила тепло и свет, которых мне так не хватало.

Война, а затем Октябрьская революция изменили всю мою жизнь. В июле 1917 г. я уехала на Украину, к мужу, работавшему там врачом. Вернулась я в Ленинград весной 1924 г. Потеряв мужа, я твердо решила остаться в России, несмотря на зов брата и сестер, которые никак не могли себе представить, как я смогу жить и воспитывать своих троих детей на чужой стороне, без посторонней помощи. Они не могли понять, что Россия не была больше мне чужой, что я полюбила ее, как я полюбила и русский народ, и что я нашла свое место в жизни этой страны, в революции, которую я в те годы скорее чувствовала сердцем, чем понимала умом.

И. Ю. предложил мне по возвращении в Ленинград преподавать арабский язык в Институте живых восточных языков. С тех пор я начала работать под его руководством и могла близко наблюдать его деятельность. Первое, что бросалось в глаза, это его аккуратность и точность, будь то начало занятий или заседаний. Он входил в аудиторию со звонком или начинал заседание ровно в назначенный час. Людям становилось неловко приходить позже, и они старались не опаздывать. Таким образом, без слов он приучал окружающих к порядку и дисциплине. Это особенно благотворно действовало на молодежь. И. Ю. был при всей своей доброте и отзывчивости очень требовательным и строгим к студентам и своим помощникам. Для него прежде всего было дело, а затем личные отношения. Он умел незаметно приходить людям на помощь, незаметно заставляя их работать. В то время я не предполагала, что И. Ю. читает курс современной арабской литературы. Однажды, встретив меня в институте, И. Ю. спросил, не хочу ли я прослушать курс лекций по истории современной арабской литературы, который он читает в такие-то дни и часы. Этот курс был тогда единственный в своем роде, он не читался ни в одном вузе мира, кроме Ленинграда, ибо ни один арабист или араб не присматривался так внимательно к культурно-политическому возрождению, происходившему в арабских странах, не верил в его серьезность и значение, как это сумел сделать И. Ю. Характерно, что в 1949 г. в одном письме ко мне И. Ю. сообщил о своей встрече с одним довольно известным арабским литератором, который его спросил, верит ли он в будущность арабского языка, на что И. Ю. сердито ответил: „Если бы я не верил в будущность арабского народа и его языка, я бы не стал тратить свою жизнь на такую ерунду“. Случай этот говорит о поразительной проницательности И. Ю., сумевшего сорок лет тому назад понять и поверить в возрождение арабских стран.

Курс лекций И. Ю. натолкнул меня на мысль составить хрестоматию из образцов новоарабской литературы. Моя мысль встретила большую поддержку у И. Ю., причем он любезно предоставил для этой цели в мое распоряжение свою библиотеку, без которой было бы невыполнимо выполнение этой работы. Библиотека И. Ю. остается единствен-

ной в Советском Союзе, где систематически собирались произведения новоарабской литературы и все работы, относящиеся к ней, на различных языках. И. Ю. мне очень много помог своими советами и снабдил хрестоматию предисловием, которое было сразу же переведено на западно-европейские языки. Когда один из западных арабистов в рецензии на хрестоматию выразил пожелание, чтобы словарь, составленный к текстам, имел кроме русского языка, еще какой-нибудь европейский язык, И. Ю. сказал: „Пусть учат русский язык, если им нужны наши труды“. Это была законная гордость советского ученого своей родной наукой и ее достижениями, гордость своим русским языком. И на самом деле некоторые арабисты запада учились русскому языку, чтобы познакомиться с трудами И. Ю. по арабистике, как это сделал немецкий ученый Кампфмеер, изучивший русский язык уже на склоне лет, популяризуя на европейских языках труды советского ученого по новоарабской литературе. Не было ни одного арабиста Запада или Востока, не обращавшегося к И. Ю. с тем или иным вопросом по арабистике вообще. Личный архив этого замечательного арабиста покажет в будущем, какую огромную роль он играл в мировой науке, как широк был охват научных вопросов, которыми он занимался, как высоко он поднял и с каким достоинством держал знамя советской востоковедной науки. Он всегда с готовностью и тщательностью выполнял просьбу того или иного ученого, часто можно было видеть его в любую погоду идущим в одну из библиотек Ленинграда, чтобы заказать фотоснимок той или иной рукописи, являющейся уникалом в наших рукописных собраниях, или списать тот или иной отрывок из этих рукописей. Западные арабисты относились к нему с большим уважением и неоднократно посвящали ему свои труды по арабистике, в знак благодарности за его ценные советы.

И. Ю. был большим общественником, но общественником скромным. Свои обязанности он выполнял тихо, незаметно и с большой любовью. Работая в Ленинграде в Институте живых восточных языков, я задалась целью приучить студентов к переводам арабской художественной литературы. Для этого был образован кружок студентов-переводчиков, который два раза в семестре устраивал чтение своих переводов в институте. Не было ни одного чтения, в котором И. Ю. не принимал бы участия. Помимо своего высказывания о качестве перевода и советов, он всегда делал сообщение о том или ином писателе и нередко читал свои переводы с арабского. Он придавал большое значение умению переводить, совершенно справедливо замечая, что умение переводить всегда необходимо для востоковеда. Сам И. Ю. не мог удержаться, чтобы не перевести тот или иной отрывок или стихотворение, имеющие художественную ценность. В 1946 г. я получила несколько произведений одного египетского писателя Тауфика ал-Хакима.¹ Прочитав, я послала их для

¹ Произведение ал-Хакима „Возвращение духа“ переведено на русский язык М. А. Салье.

знакомства И. Ю. Вот что он написал мне: „Прочитав книгу ал-Хакима «Из башни из слоновой кости», я не удержался, чтобы сразу не перевести несколько отрывков, до чего они прекрасны. Если можно, то я задержу эту книгу подольше у себя“. Через некоторое время, возвращая книгу, И. Ю. написал: „С особой грустью я расстанусь с этой книгой, но перевести ее на русский язык мешает моя перегруженность в работе“. Можно ли было не подарить ему эту единственную в Советском Союзе книгу? Я ее тотчас отослала ему обратно, чему, как видно из письма, он был бесконечно рад. Он участвовал также в многочисленных ученых советах, кружках, комиссиях, где он аккуратно, точно и своевременно выполнял взятые на себя обязанности. Никогда он не отказывался делать доклады. Так, в 1937—1938 гг. И. Ю. прочитал серию докладов об „Арабской культуре в Испании“. Может быть, самой большой его общественной работой было создание Ассоциации арабистов, во главе которой он стоял, координируя ее работу и объединяя вокруг нее все арабистические силы Советского Союза.

Мало кто умел так бережно относиться к трудам других людей, как умел это делать И. Ю. Говоря о других людях и их заслугах в науке, он с поразительной скромностью обходил себя, как это он сделал в своей книге „Очерки по истории русской арабистики“.¹ Там можно найти упоминание о каждом, кто внес свой вклад в развитие отечественной арабистики, хотя бы фразой, но вы не найдете никакого упоминания о самом авторе и его трудах, а ведь он возглавлял арабистику на протяжении более сорока лет и был создателем истории современной арабской литературы. Для него важна была сама наука и ее развитие. В своей чудесной книге „Над арабскими рукописями“ по этому поводу он писал: „Грустно видеть, как несовершенство людской природы превращает иногда рукописи в яблоко раздора, как они встают преградой между людьми или становятся даже предметом преследования. И здесь на долю ученого нередко выпадают неожиданные испытания, но при доброй воле их можно преодолеть, памятуя, что мы в отдельности только «гости на земле», а наука вечна, и надо думать не о нас самих, а о ее движении вперед, для которого не всегда важно, кем именно внесена доля усилия в это движение“.² Исходя из этого принципа, он всячески помогал всем, кто занимался наукой. Стоило сказать, что вам нужна та или иная книга для ваших научных работ, а эта книга имелась лишь в его библиотеке, как он предоставлял ее в ваше распоряжение. „Рукописи, как природа и искусство, должны быть достоянием всех чувствующих их людей и открыты всем ученым: те, кому выпало на долю временно,

¹ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950.

² И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Второе издание, М.—Л., стр. 92.

в пределах человеческой жизни, быть их владельцами или хранителями, должны не забывать этого и не превращаться в скупых рыцарей“.¹

Замечательным было отношение И. Ю. к новоарабской литературе. Каждое значительное явление в этой литературе вызывало у него неподдельную радость. Первые два сборника новелл молодого египетского литератора Махмуда Теймура были присланы нам обоим их автором в 1925 г. Это была новинка арабской литературы, и я не могла оторваться от чтения. В это время пришел И. Ю., весь сияющий с книгами в руках, и торжественно сказал: „Видите, мое предсказание о новой арабской литературе начинает сбываться, посмотрите, как возникает у арабов оригинальная новелла“. И. Ю. сразу написал Теймуру письмо, напечатанное в сборнике „Аш-шайх ас-сайид ал-‘абыт“ (Каир, 1926). В нем говорилось: „... я внимательно прочитал то, что Вы писали. Я вижу новую страницу в современной арабской литературе, страницу, создание которой я не мог ожидать, когда посетил милый Египет 15 лет тому назад. Вы совершенно правы, когда пишете в предисловии о том, что Вы идете по новому, не проторенному до Вас пути“.² Переписка между ними продолжалась до самой смерти И. Ю.

Обстоятельства не позволили И. Ю. посетить еще раз арабские страны. Знакомиться с развитием общественно-политической жизни арабов, их культуры и литературы И. Ю. мог лишь по получаемой не систематически литературе. И. Ю. писал: „Не всегда человек, однако, бывает властен над собой, особенно, когда надо держать в поле своего зрения и старую и новую литературу, мимо которой нельзя теперь пройти, замкнувшись в научном эгоизме арабиста-классика. Здесь сама жизнь дарит большие открытия, и счастлив тот, кто может наблюдать новую литературу на месте зарождения своими глазами.

„Мне это не было суждено. На Востоке я побывал только раз, и, как всегда, первая поездка по существу могла быть лишь предварительной рекогносцировкой, за которой должны были последовать настоящие продуманные экспедиции. Это не случилось, и на первых порах я не мало по молодости огорчился. Однако и тут меня жизнь научила, что для хорошего понимания человека вовсе не обязательно знать его непосредственно: книги, письма, фотографии открывают его не хуже, а иногда может быть и непринужденнее, чем личное общение. Современную литературу мне пришлось изучать почти исключительно «на расстоянии», а открытий удалось сделать не мало“.³

Действительно И. Ю. знакомился с современной арабской литературой „на расстоянии“, тем не менее он был учителем в этой области не только советских арабистов, но и арабистов Запада и Востока, а иногда

¹ Там же, стр. 92.

² Об этом И. Ю. Крачковский пишет в своей книге „Над арабскими рукописями“ (стр. 46).

³ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 38—39.

и самих арабов. Вспомним, что Дамасская академия наук, которая избрала И. Ю. своим действительным членом еще в 1923 г., обратилась к нему с просьбой дать статью в ее печатный орган об изучении современной арабской литературы.¹ И. Ю. написал эту статью по-арабски сам. И она была напечатана многими солидными арабскими журналами. Указывая на методы изучения современной арабской литературы, И. Ю. призывал арабов бережно относиться к этой литературе и развивать ее. Арабы внимательно прислушивались к его советам, опубликовывали его письма, гордясь перепиской с ним и его отзывами об их произведениях и горячо откликались на его юбилейные даты. В 1935 г. на мое обращение к арабской общественности принять участие в праздновании 30-летия научной деятельности И. Ю. отозвались многие писатели во главе с Дамасской академией наук. Академия устроила в день юбилея торжественное заседание, на котором выступил бывший тогда вице-президентом Академии Абд-ел-Кадер ел-Магрбий с приветствием и с характеристикой работ И. Ю. Эта речь была напечатана.² В бюллетене Академии ему была посвящена большая статья. Первый президент этой же Академии Мухаммед Курд Али называл И. Ю. в письмах ко мне *همزة الوصل* (буква, соединяющая два слова, рядом стоящие, будучи сама произносимой). Это было очень остроумное сравнение, соответствующее истине, так как И. Ю. в своих трудах сближал литературу русского и арабского народов. Египетский писатель Амин Хассуне в статье в журнале „ал-Маареф“ 1932, 11, Каир) писал: „Академик Крачковский отличается от других востоковедов широтой затрагиваемых тем и их глубоким исследованием. Он избегает проторенных дорог, но, самое главное, он не отделяет арабскую литературу от арабского народа, создающего ее. Как часто в своих исследованиях и как славно он защищает арабский народ и его культуру. В своей статье в бюллетене Дамасской академии наук он обращается к современным арабским писателям, чтобы они бережно относились к своей литературе, а народ к своим писателям“.

Как-то И. Ю. мне писал: „Я бы хотел дожить до такого момента, когда современная арабская литература займет свое место среди мировых литератур“. Пожалуй, среди самих арабов никому не приходило на ум такое пожелание. В 1946 г., подводя итоги развития новоарабской литературы за последние полвека, он писал: „Непрерывный рост этой новоарабской литературы говорит о том, что она войдет как вклад в сокровищницу мировой литературы, вклад не подражателей, а живой организм“.³

Антун Хури в газете „ал-Джазира“ (16 июня 1935 г., № 279, Дамаск) в связи с упомянутой датой писал: „... сегодня в Ленинграде арабисты

¹ مجلة المجمع العلمي العربي، 1930، X.

² Там же, 1935, XIII.

³ И. Ю. Крачковский. Труды первой сессии арабистов. М.—Л., 1937, стр. 23.

чувствуют исключительную личность, которая в продолжении 30 лет изучала, исследовала и знакомила русских с нашей историей, литературой и языком, со всем тем, чем мы гордимся и дорожим. Следовательно, сегодня чувствуют нашего пропагандиста и доброжелателя, работающего над старым и новым нашим культурным наследием. Он работает скромно, тихо, беспристрастно, без гордости и кичливости своими деяниями. Обязанность наша объединиться хотя бы морально с его русскими друзьями, описав его как человека и как ученого, хотя мы знаем, что он не любит похвалы. С конца XIX века арабистика пошла в России по новому пути и этим заставила Запад относиться к русским арабистам с уважением и вниманием“.

И. Ю. были посвящены статьи и в других газетах и журналах. Михаил Нуайме написал большую статью в газете „ал-Ма'рыд“ (20 мая 1935 г., № 1057, Бейрут), которая кончалась буквально так: „... ты из нас и в нас о, Игнаша“, иначе говоря: „... ты наш родной, о Игнатий!“. Ливанский писатель Рейхани, будучи тогда сильно болен, не мог написать и поздравить И. Ю. Он попросил моего брата написать мне, чтобы я передала И. Ю. привет и что он поздравит его, как только выздоровеет. Его письма переведены в книге „Над арабскими рукописями“ (стр. 40). Теймур писал в статье, посвященной этому юбилею, в журнале „ар-Рисала“ (1935, № 93, Каир): „... мною овладело тихое чувство с некоторой долей гордости от того, что есть такой большой друг у нас, арабов, в дальних странах, который отдал свою жизнь на службу нашей литературе, чтобы возвысить ее авторитет...“

„Я шлю ему искренний привет, выражая чувство дружбы и благодарности, которое питает к нему весь арабский народ, а в частности, народ Египта. Ведь человек, который всю жизнь посвятил ознакомлению западного мира с арабской культурой, открыл нам путь, чтобы мы заняли место среди мировых литератур, достоин высочайшего сана в наших сердцах“.¹

И. Ю. приехал в арабские страны как настоящий ученый, уже знакомый с арабами через их литературу. И. Ю. присматривался к народу, к интеллигенции, вышедшей из народа, особенно интеллигенции, получившей образование в „русских школах“ Палестинского общества и воспитавшейся на идеалах русской классической литературы. В своих воспоминаниях об этих школах и этой интеллигенции И. Ю. писал: „Знание русского языка редко находило себе практическое применение в дальнейшей деятельности питомцев русских школ, но прикосновение к русской культуре, русской литературе оставляло неизгладимый след на всю жизнь. Сила книги обнаруживалась здесь во всей своей мощи. И недаром так много современных писателей старшего поколения, не только переводчиков с русского, но и творцов, сказавших свое слово

¹ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 50.

для всего арабского мира, вышло из школ Палестинского общества. Эта среда скромных учителей меня особенно влекла. Многие из них и тогда уже нередко бывали писателями и журналистами: для другой общественной работы пути в старой Турции были еще закрыты. В этой настоящей интеллигенции ума, вышедшей из народа и жившей с народом, я видел грядущую силу. История арабских стран после первой мировой войны оправдала мои мысли¹.

В своем лице И. Ю. объединял все дисциплины арабистики, деятельность всех нас, арабистов Советского Союза. Нам же всегда необходимо помнить его слова: „Задачи, стоящие перед нашим арабистом, больше и сложнее, чем перед его западными коллегами. Советский арабист должен иметь свое лицо и должен уметь с достоинством высказывать свое мнение по всем вопросам, волнующим науку в данный момент. Он должен подкреплять свое мнение всей полнотой научных выводов современности, быть в них полным хозяином. Иначе голос его прозвучит слабо и только уронит его престиж и, что хуже, уронит престиж не только его одного. Но этого мало, — на советском арабисте лежит долг участия не только в разработке общелитературных вопросов; именно он должен осветить те области арабской письменности, которые связаны непосредственно с СССР. Задача эта еще более трудная уже потому, что она не только не разработана, но часто и не осознана. Здесь все время надо идти по целине, не только намечать пути, прокладывая дорогу, прорубая лес, но и выработать технику, выяснять массу возникающих проблем“².

Со смертью И. Ю. советская арабистика понесла невозместимую потерю, а арабы потеряли искреннего друга, доброжелателя и пропагандиста их достижений не только в литературе, но и во всех областях искусства и развития общественно-политической жизни.

¹ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями, стр. 50.

² И. Ю. Крачковский. Труды первой сессии арабистов, стр. 23.